

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА

Конец XIV—XVIII в.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
И 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
грант № 12-04-16047

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Редакционный совет:
академик В. В. Алексеев (председатель), член-корреспондент РАН А. Е. Аникин, член-корреспондент РАН В. Е. Багно,
член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко, академик АН РБ Г. Б. Хусаинов

Редакционная коллегия:
д. филол. н. В. В. Блажес, д. филол. н. В. М. Ванюшев, д. филол. н. О. В. Зырянов,
к. филол. н. П. Ф. Лимеров, к. и. н. прот. П. И. Мангилев, д. филол. н. М. Х. Надергулов,
д. филол. н. Е. Е. Приказчикова, чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская,
д. филол. н. Л. С. Соболева, д. филол. н. Е. К. Созина

Глав. ред.:
доктор филологических наук В. В. Блажес, доктор филологических наук Е. К. Созина

Рецензенты:
доктор филологических наук Е. И. Дергачева-Скоп
доктор филологических наук А. Н. Власов

История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в. / Глав. ред.: В. В. Блажес,
Е. К. Созина. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 608 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0602-1

И 90

В издании осуществлен систематический анализ исторического развития литературы Урала с конца XIV по XVIII в. в единстве и многообразии национальных художественных традиций народов, проживающих на территории региона. Анализируются основные книжные собрания региона (церковно-монастырские, крестьянские, частные библиотеки), рассматриваются различные формы литературной традиции, складывающейся на Урале: фольклор, словесность, книжная традиция, виды научно-деловой и производственной письменности, собственно литература, которая отчетливо формируется на Урале лишь во второй половине XVIII в. (тобольские журналы и первые авторские индивидуальности). Особое место занимает анализ агиографической повествовательной традиции и памятников старообрядческой письменности, во многом определивших своеобразие культурно-исторической судьбы северо-восточных регионов страны. Исследуются образы Урала в национальном сознании России и Запада, прослеживается формирование просветительской парадигмы, замыкающей XVIII век.

ББК 83.3

*При оформлении переплета использованы картины
И. Ф. Худоярова «Гуляние на Лисьей горе» и П. Ф. Худоярова «Листобойный цех».*

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ УРАЛА.

Конец XIV—XVIII в.

Оператор Е. Зуева. Корректоры Ю. Богатырева, О. Ланцова

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой. Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 30.11.2012. Формат 60х90/8. Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 76. Тираж 500. Заказ №

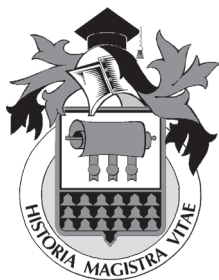
Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449
Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0602-1

© Авторы, 2012
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

A HISTORY OF URAL LITERATURE

Late 14th–18th Century

LANGUAGES OF SLAVIC CULTURE
MOSCOW
2012

The book is published with the support of
the Russian Humanitarian Scientific Foundation,
project № 12-04-16047

The book is recommended for publication by the Scientific Council of the Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Ural Branch

E d i t o r i a l C o m m i t t e e:

Alexeyev V. V., academician (editorial committee chairman); Anikin A. E., corresponding member of the Russian Academy of Sciences;
Bagno V. E., corresponding member of the Russian Academy of Science; Korniyenko N. V.,
corresponding member of the Russian Academy of Sciences; Khusainov G. B.,
academician of the Academy of Sciences, Republic of Bashkortostan

E d i t o r i a l B o a r d:

Blazhes V. V., Dr. Hab. (Philological sciences); Vanyoushev V. M., Dr. Hab. (Philological sciences), Zyryanov O. V., Dr. Hab.
(Philological sciences); Limerov P. F., PhD. (Philological sciences); Manguilev P. I., PhD. (Historical Sciences), archpriest;
Nadergoulov M. Kh., Dr. Hab. (Philological sciences); Prikazchikova E. E., Dr. Hab. (Philological sciences); Romodanovskaya E. K.,
corresponding member of the Russian Academy of Sciences; Soboleva L. S., Dr. Hab. (Philological sciences); Sozina E. K., Dr. Hab.
(Philological sciences)

E d i t o r s - i n - c h i e f: Blazhes V. V., Sozina E. K.

R e v i e w e r s:

Dergacheva-Skop E. I., Dr. Hab. (Philological sciences)
Vlasov A. N., Dr. Hab. (Philological sciences)

A History of Ural Literature. Late 14th—18th Century. — Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. — 608 p.: ill.

ISBN 978-5-9551-0602-1

The book contains a systematic analysis of the historic development of Ural literature from the late 14th to the 18th century, considering the unity and diversity of the national artistic traditions characteristic of the peoples of the Region. The authors analyze the main book collections of the Region, i. e. church and monastery libraries, peasant, and private libraries, studying different forms of literary tradition in the Urals, including folklore, oral and written literary tradition, scientific, academic and business, as well as production writing, and literature proper, which only assumed shape in the 2nd half of the 18th century in the Urals (Tobolsk journals and the first authorial individualities). Special attention is paid to the hagiographic narrative traditions and Old Believers writing, to a considerable extent determining the distinctive character of the cultural and historical destiny of the country's Northeastern regions. Additionally, the book considers the idea of the Urals in the national consciousness of Russia and Western countries, tracking the development of an enlightening paradigm defining the end of the 18th century.

ISBN 978-5-9551-0602-1

© Writers, 2012
© Languages of Slavic Culture, dummy layout, 2012

История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
От редколлегии	11
Введение	25
Часть I. Православные традиции в культурно-историческом освоении Пермских земель	37
Глава 1. Миссионерство и подвижнический труд Стефана Пермского	
в устной и письменной традиции	37
1.1. «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого:	
историко-культурный контекст обращения к образу Пермской земли	37
1.2. Образ Стефана Пермского в коми фольклорной традиции	51
Глава 2. Памятники письменности и литературы Перми Вычегодской	59
Часть II. Средневековая башкирская литература	73
Глава 1. Древние памятники тюркской традиции (IX—XV вв.)	73
Глава 2. Развитие башкирской литературы в XVI—XVIII вв.	95
Часть III. Русская книжно-рукописная традиция на Урале в XVI—XVII вв.	118
Глава 1. Русская словесность (фольклор и литература) в процессе культурного освоения края	118
Глава 2. Церковно-монастырские библиотеки Урала	138
Глава 3. Древнерусские традиции в письменности Прикамья	149
3.1. Строгановские библиотеки XVI—XVII вв.: состав и пути формирования	149
3.2. Литературные памятники Строгановского региона (XVII—XVIII вв.). «Статир»	158
3.3. Крестьянские библиотеки Прикамья	172
Глава 4. Агиографические памятники русской литературы Урала	182
4.1. Жития	182
4.1.1. Житие Трифона Вятского	183
4.1.2. Житие Симеона Верхотурского	191
4.1.3. Житие Космы Верхотурского	197
4.1.4. Агиографические памятники о старце Далмате	198
4.1.5. Агиография игумении Таисии (Костроминой)	203
4.2. Повести о явленных иконах	204
Часть IV. Литературно-просветительская деятельность Тобольского митрополичьего дома	210
Глава 1. Инициирование культурно-письменной традиции	210
Глава 2. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев	215
Глава 3. Тобольское летописание Саввы Есипова	225
Часть V. Исторические повествования на Урале	230
Глава 1. Строгановская летопись: концепция и образное решение	230
Глава 2. Народная «историография» похода Ермака	238

2.1. Кунгурская летопись	238
2.2. «Сказание Сибирской земли»	244
2.3. «Сказание о происхождении Ермака»	248
Глава 3. «История Сибирская» Семена Ремезова	254
Глава 4. Исторические сочинения старообрядцев Урала	263
Часть VI. Типы словесности горнозаводского Урала XVIII в.	289
Глава 1. Сборник былин и песен Кирши Данилова из Нижнего Тагила	293
Глава 2. Библиотека Акинфия Демидова	304
Глава 3. Научно-деловые и эпистолярные сочинения В. де Геннина	310
Глава 4. Документальное наследие В. Н. Татищева на горнозаводском Урале	326
Часть VII. Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения	336
Глава 1. Образ Урала в записках западноевропейских и русских путешественников	338
Глава 2. Уральская мемуарная литература XVIII в.	357
Глава 3. Литературная жизнь Оренбургского края в XVIII в.	366
Глава 4. Г. Р. Державин на Урале	372
Глава 5. Истоки развития удмуртской литературы	390
Часть VIII. Литературный процесс на Урале конца XVIII — начала XIX вв.	403
Глава 1. Тобольские журналы в контексте культурного развития края	407
1.1. Первый урало-сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»	407
1.1.1. Проза и переводная литература	407
1.1.2. Стихотворные жанры	423
1.2. «Исторический журнал» Д. В. Корнильева	435
1.3. «Библиотека учена...» П. П. Сумарокова	440
Глава 2. Поэты круга «Иртыша»	448
2.1. П. П. Сумароков	448
2.2. И. И. Бахтин	462
2.3. Н. С. Смирнов	470
Глава 3. Авторские индивидуальности	480
3.1. П. А. Словцов	480
3.2. А. И. Попов	491
3.3. И. И. Варакин	497
Summary	511
Сокращения	513
Библиография	515
Указатели: имен, произведений, географических названий	552

A History of Ural Literature. Late 14th—18th Century

TABLE OF CONTENTS

Preface	9
From the Editors.	11
Introduction	25
Part I. Orthodox traditions in the Perm lands' cultural and historic development	37
Chapter 1. St. Stephen of Perm's missionary and evangelical activity in oral and written tradition	37
1.1. <i>The Life of St. Stephen of Perm</i> by Epiphanius the Wise: a historical and cultural context of Perm lands depiction.	37
1.2. The image of St. Stephen of Perm in the Komi folklore tradition.	51
Chapter 2. Works of writing and literature in Perm of Vychegda.	59
Part II. Mediaeval Bashkir literature	73
Chapter 1. Old texts of the Turkic tradition (9th—15th century)	73
Chapter 2. Bashkir literature development in the 16th—18th century.	95
Part III. The Russian book and manuscript tradition in the 16th—17th century Urals	118
Chapter 1. Russian oral and written literature in the Region's cultural development process	118
Chapter 2. Church and monastery libraries in the Urals	138
Chapter 3. Old Russian traditions in the written literature of Prikamye.	149
3.1. Stroganovs' libraries of the 16 th —17 th century: their collections and ways of development.	149
3.2. Literary works of Stroganov Region (17 th —18 th century). <i>The Statir</i>	158
3.3. Peasant libraries of Prikamye.	172
Chapter 4. Hagiography in the Russian literature of the Urals	182
4.1. Lives of saints	182
4.1.1. The life of St. Tryphon of Vyatka	183
4.1.2. The life of St. Simeon of Verkhoturye	191
4.1.3. The life of St. Kosma of Verkhoturye.	197
4.1.4. Hagiographic works about the Reverend Elder Dalmat	198
4.1.5. The hagiography of Abbess Thaisia (Kostromina).	203
4.2. Tales of miraculously appearing icons	204
Part IV. Literary and educational activity of the Tobolsk metropolitan house	210
Chapter 1. Initiating the cultural written tradition.	210
Chapter 2. Tobolsk bishops' literary and publicist activity	215
Chapter 3. Tobolsk chronicles of Savva Yesipov	225

Part V. Historical narrations in the Urals	230
Chapter 1. The Stroganov Chronicle: its concept and images	230
Chapter 2. Folk <i>historiography</i> of Yermak's campaign	238
2.1. The Kungur Chronicle	238
2.2. <i>The Tale of the Siberian Land</i>	244
2.3. <i>The Tale of Yermak's Descent.</i>	248
Chapter 3. <i>Siberian History</i> of S. U. Remezov	254
Chapter 4. Historic works of Old Believers in the Urals	263
Part VI. Oral and written literary types in the 18th century mining Urals	289
Chapter 1. A collection of bylinas and songs of Kirsha Danilov of Nizhny Tagil.	293
Chapter 2. Akinfiy Demidov's library	304
Chapter 3. Academic, business and epistolary works of W. de Gennin.	310
Chapter 4. N. Tatishchev's documentary heritage in the mining Urals.	326
Part VII. Documentary fiction of the Urals during the Enlightenment	336
Chapter 1. The image of the Urals in the notes of Western European and Russian travellers	338
Chapter 2. Autobiographic literature of the 18 th century Urals.	357
Chapter 3. Literary life in the 18 th century Orenburg Region	366
Chapter 4. G. R. Derzhavin in the Urals.	372
Chapter 5. Origins of Udmurt literature.	390
Part VIII. Literary process in the 18th — early 19th century Urals	403
Chapter 1. Tobolsk journals in the context of Region's development.	407
1.1. The first Ural-Siberian journal <i>The Irtysh Transforming Itself into Hippocrene.</i>	407
1.1.1. Prose and translated literature	407
1.1.2. Genres of poetry.	423
1.2. <i>The Historical Journal</i> of D. V. Kornilyev	435
1.3. <i>A Learned Library...</i> of P. P. Sumarokov.	440
Chapter 2. Poets of <i>The Irtysh</i> circle	448
2.1. P. P. Sumarokov	448
2.2. I. I. Bakhtin.	462
2.3. N. S. Smirnov	470
Chapter 3. Authorial individualities	480
3.1. P. A. Slovtsov	480
3.2. A. I. Popov	491
3.3. I. I. Varakin.	497
Summary	511
List of abbreviations.	513
Bibliography	515
Indices of names, titles, and place names	553

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность изучения истории литературы Урала — крупнейшего региона в России, с конца XIV века обладающего своим местом и статусом в ее истории, географии, культуре, а ранее, в течение многих тысячелетий, выступавшего перекрестком путей многих народов и культур, обусловлена многими факторами. Безусловно, немалое значение имеет здесь потребность в осмыслении культурного прошлого края для развития его собственного «самосознания» и актуализации имиджевого потенциала территории. Литература дает многофигурный портрет региона, меняя ракурсы его изображения, отсекая второстепенное, а подчас приближая к нам детали, позднее обретающие повышенную символическую значимость.

Традиционно Урал представляют как оплот «горнозаводской цивилизации», «опорный край державы» — и это справедливо. Но без развитой и своеобразной культуры регион не мог бы выполнять все те разнообразные роли и функции, которые были возложены на него с давних пор; вне культуры и искусства развитие социального организма сегодня невозможно. Однако не менее важно то обстоятельство, что нельзя составить полное и адекватное представление об особенностях исторического развития всей страны и ее культуры, а равно литературы без обращения к истории ее региональных компонентов.

Вспомним о роли пространственно-географических факторов в истории России, о вариативности развития ее отдельных «частей», о том значении, которое для истории страны всегда имело взаимоотношение центра и периферии, центра и регионов. В древности Урал формировался как едва ли не центральная зона взаимодействия различных этносов, здесь сложилась уникальная межэтническая ситуация контактов финноугорских, иранских, тюркских, а затем и славянских общностей, весьма показательная для истории всей многонациональной России. Как следует в том числе и из этого издания, именно регионально-центростремительный фактор, существенный для Российской империи, обуславливал многовековую совместную жизнь разных народов в границах Уральского региона, помогал налаживать связь их культур и религий. Обеспечение прогрессивного, цивилизационного развития нашего Отечества действительно требует знания и развития всех составляющих этого огромного целого. Зная о том, как развивались и росли Урал, Сибирь, Север страны, как «ковали» они не только чугун, но и свой многообразный культурный опыт (а без последнего невозможно

прогрессивное развитие любых технологий и производственных мощностей), мы можем ориентироваться в настоящем и прогнозировать будущее.

Следует сразу отметить уникальность и научную новизну этого труда. Литературы народов, с древности населяющих Уральский регион, рассматриваются здесь параллельно и в общем ряду с русской литературой, в то время как практически все существующие ныне истории региональных литератур ограничиваются русскоязычной словесностью, истории же национальных литератур привлекают общерусскую лишь на уровне «связей» и «влияний». Более того, в книге поднят уникальный пласт литературы, никогда прежде не становившийся объектом науки в столь объемном и системном изучении. Это древняя, или средневековая литература Урала — ровесница таких памятников древнерусской словесности, как летописи, повести о защите русскими князьями своей земли, агиографические тексты, «хождения» и т. д. В башкирской словесности, на тот момент входившей в состав общетюркской письменности, прослеживаются свои, не менее значительные источники будущей национальной литературы, свидетельствующие о глубинной и очень богатой, очень развитой культурной традиции. Национальные литературные традиции народов Коми и Удмуртии рождаются чуть позже на чрезвычайно богатом фольклорном фундаменте. Пожалуй, впервые все они исследуются в общем контексте региональной истории, его единой, хотя и развивавшейся порой по независимым друг от друга путям полиэтнической культуры. Правда, авторы книги не ввели в ее состав анализ памятников письменности еще ряда народов, проживающих на Урале: сибирских татар, мордвы, марийцев и некоторых других, однако их выбор можно понять. Эти этносы не имеют своей административно-территориальной автономии в пределах Уральского региона, и как бы ни была велика сегодня роль татарского или марийского населения и его культуры для развития края, отбор материала в издании вполне оправдан.

Есть и другие ограничения, обусловившие некоторые «пробелы» в содержании книги. Исследуются не все культурные гнезда региона, выделенные на сегодняшний день в науке. Не в полном объеме представлена старообрядческая словесность: кроме исторических сочинений, в наследии старообрядцев есть и другие жанры, заслуживающие не меньшего внимания. По-видимому, далеко от завершения исследование читательского контекста литературы региона: кроме библиотеки Строгановских

крестьян и Демидовской библиотеки, следовало бы остановиться на Турчаниновском книжном собрании, на городском летописании XVIII—XIX вв. На мой взгляд, все это говорит о том, что процесс исследования может быть продолжен, что научный поиск поистине бесконечен, хотя на сегодняшний день данное издание представляет определенный и весьма солидный итог в изучении истории литературы Урала древнего периода.

Авторы тома показывают, что собственно русская литература Урала начала формироваться в период культурного освоения переселенцами территории Уральского региона, т. е. с конца XIV—XV вв., но общественное осознание этого явления относится лишь к 1880-м гг., когда в кругах российской интеллигенции начало активно циркулировать понятие «областная литература». Однако должно было пройти немало времени для того, чтобы региональное сообщество наконец осознало острейшую необходимость создания академической истории литературы своего края и начало осуществлять практическую реализацию этой идеи. Относительно недавние корни данного проекта уходят в 1980-е гг., когда была сформирована общегуманитарная программа «Духовная культура Урала», ставшая в то время одной из первых в Российской Федерации региональной комплексной программой по гуманитарным наукам. Она была направлена на координацию научных исследований Уральского региона в области изучения и использования ценностей духовной культуры, инициаторами ее выступили ученые из Уральского и Пермского государственных университетов. Осуществлению программы помешала сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Закономерно, что спустя тридцать с лишним лет Институт истории и археологии Уральского отделения РАН выступил руководителем и координатором нового проекта, разрабатывающего давнюю идею, которая не только не утратила, но и преумножила свою актуальность.

Подчеркну, что речь идет именно об *академической* истории — строго научной, выверенной усилиями не одного, а многих ученых, а следовательно, обладающей достоверностью и пролагающей стратегии научного поиска для последующих поколений исследователей. Тот факт, что к написанию истории литературы Урала подключились ученые из других областей и регионов, представляется и симптоматичным и знаменательным. Обратите внимание на географию исследователей: кроме Института истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральского федерального университета (Екатеринбург), ее представляют авторы из Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), Института истории, языка и лите-

ратуры Уфимского НЦ РАН и Башкирского государственного университета (Уфа), Удмуртского Института истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск), Института филологии Сибирского отделения РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Оренбургского государственного педагогического университета, Сургутского государственного педагогического университета, Сибирского федерального университета.

Предлагаемый труд, созданный в удивительно сжатые для подобного рода изысканий сроки (менее пяти лет), свидетельствует о сохранившемся среди российских ученых научном подвижничестве. Думаю, что с продвижением исследования будет расширяться ареал авторов, которым интересна и важна судьба культурного наследия региона — «станового хребта» (а таков Урал) всей России.

Исследование должно быть продолжено — это бесспорно. Впереди весь XIX век, когда в России начинается процесс модернизации, и литература неизменно реагирует на возникающие перемены в жизни народа, запечатлевая и провоцируя размышления различных социальных слоев о судьбе страны, о ее историческом месте в мире, когда нарастают противоречия в среде людей культуры, подготовившие революционный взрыв нового столетия. Впереди век XX-й — эпоха наиболее радикальных перемен в отечественной, да и мировой истории. Разнообразятся формы литературной жизни, увеличивается число ее потребителей и взыскательных критиков, а вместе с тем множатся органы и виды контроля властных структур над сферой культуры и искусства. Эти процессы характерны для всей страны, но в каждом регионе они принимают своеобразные формы, каждый край рождает свои творческие индивидуальности. Летописцем, свидетелем и органом рефлексии общества выступает опять-таки литература, по произведениям которой историк нередко восстанавливает те или иные события прошлого, которая открывает нам поливариантность возможных путей жизненного и исторического развития. Уральский регион и ныне занимает достойное место в составе Российской Федерации, поэтому адекватная оценка его литературно-культурного наследия является насущной задачей, настоятельно требующей своего решения.

Академик РАН В. В. Алексеев

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

1

Относясь к небольшому числу территориально интегрированных империй, т. е. при колоссальной обширности занимаемых пространств не располагая заокеанскими владениями, Россия была в известном смысле обречена на громкое звучание региональной проблематики в своей истории — от земских соборов позднего Средневековья до радикальных федералистских доктрин XIX в. и беспрецедентных экспериментов с собственными границами в двадцатом столетии. При этом культурный статус инкорпорированных в государственное «тело» стран и народов исторически был различен. Западные (балтийские, польские, финские), кавказские и присоединенные позднее центрально-азиатские территории¹ имели на момент включения в империю развитые устные и/или письменные традиции и, кроме того, располагая довольно большим собственным населением, не становились в сколь-нибудь значительном масштабе объектом этнически русской крестьянской колонизации. Иначе обстояло с восточными территориями, которые располагались вдоль Камы и далее захватывали в свою орбиту Урал и Зауралье. Урал исторически складывался как многонациональный регион, этнический «котел» народов, где русские были пришлыми, все более и более укреплявшими свои позиции за счет промышленно развитой цивилизации, но где сохранялись иные по истокам и характеру этнические культуры народов, проживавших здесь издревле. По словам историков, «...В полосе “подвижной границы” заселения русскими Урала и Сибири формировалась чересполосная, комбинированная система существования различных социально-экономических и культурно-бытовых укладов, которые либо были занесены переселенцами из областей Европейской России, либо имели автохтонное происхождение, либо представляли собой результат воздействия более развитых, чем автохтонные, азиатских цивилизаций»². Так, если в Сибири пришлое русское население вскоре начало численно преобладать над аборигенами, тесня

¹ См. новейшие очерки русского колониализма в работах (сер. «(Historia Rossica. Окраины Российской империи)»: Западные окраины Российской империи. М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008 и др.

² Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века: моногр. М., 2004. С. 32.

их культуру³, то в Приуралье и Урало-Поволжском регионе, несмотря на возрастающую ассимиляцию местного населения и русских, удмурты, коми, мордва, татары и другие народы сохраняли основы этнических религий и самобытное искусство, ставшие затем базой этнонациональных идентичностей. На юге же Урала башкирская культура, исторически складывавшаяся в зоне интенсивного тюрко-арабо-персидского взаимодействия и объединившаяся затем с арабо-мусульманской культурой, имела свои мощные фольклорные и литературно-письменные корни, обеспечившие сохранность духовного потенциала этноса, несмотря на сложность его положения в составе империи с принципиально иными конфессиональными установками.

В этом плане Урал может быть сопоставлен со всей Россией. Еще В. О. Ключевский отмечал, что «великорусское племя» складывалось «в краю, который лежал вне старой, коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем»⁴. О том же пишет специалист в области этнополитики К. Маццузато: «Россия была специфической империей в том смысле, что значительная часть населения одной из ее внутренних территорий конфессионально и лингвистически сильно отличалась от “титовых” (восточнославянских) народов»⁵. Преобладание пространственно-территориального фактора над иными — социально-экономическим, духовно-религиозным, национальным — обусловило «уникальность формирования русского суперэтноса» по сравнению с другими европейскими нациями и афроазиатскими этноконфессиональными общностями⁶, и оно же, по-видимому, создало основу для формирования в России «совершенно новых региональных “миров” (от мистического Беловодья до экзотической манчжурской “Желто-России”

³ Демографическое преобладание русских в Сибири обозначилось уже в начале XVIII в. и позднее только нарастало (см.: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 461).

⁴ Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. Лекция семнадцатая // Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 1. Ростов н/Д., 1998. С. 270.

⁵ Маццузато К. Введение // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: сб. документов. Сарго, 2002. С. 7.

⁶ Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России: (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 18.

и Русской Америки) и перспективных геополитических проектов»⁷.

Таким образом, исторические особенности заселения края сформировали совершенно особую культурную ситуацию, которая может считаться фундаментальной чертой культурогенеза Урала и Зауралья с XVI в. по настоящее время. Не будучи в исторической ретроспективе тесно связанными с русскими княжествами XI—XV вв., являясь не просто присоединенными, но по большей части завоеванными землями⁸ и по этой причине географически, экономически⁹, а подчас и психологически отчуждаясь от центра страны, уральские и зауральские владения России сделались преимущественно *русскими* составными частями империи, в которых литература коренных народов имела большую частью дописанный характер и сформировалась значительно позже, поскольку письменность получила ограниченную сферу бытования или отсутствовала вовсе (становление младописьменных литератур народов Севера произошло только в XX веке, литературным языком башкир, которым владело крайне ограниченное число грамотных людей, был общий для ряда близких народов язык тюрки). Русская книжная культура быстро сформировала свои центры («культурный регион» Строгановых, Тобольск, Туруханск и др.¹⁰) и, по существу, монополизировала роль поставщика сведений о новообретенных землях как для

⁷ Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Указ. соч. С. 15.

⁸ Показательна в этом отношении история разгрома ханства Кучума Ермаком (см.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986).

⁹ Историки русской колонизации показали, что на первых порах бескрайние просторы Северной Азии привлекали русское правительство преимущественно как место высылки неугодных (которые нередко становились двигателями развития культуры на местах) и как источник «ясака» в виде мягкой рухляди (см.: Bassin M. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14. № 1. P. 3—21. См. также: Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 51—53). В случае с Уралом меркантилистский подход царской администрации ярко проявил себя в истории соляных промыслов, возвысивших клан Строгановых (см.: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962).

¹⁰ См.: Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности: В 2 кн. Екатеринбург, 2005; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001; Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 283—291. (Избр. тр.).

русского, так и для европейского читателя¹¹. Так, восточные владения России уже в XVII веке обнаружили становление литературного регионализма в собственном смысле, т. е. такого явления письменной культуры, которое, совпадая по языковому признаку с книжной традицией центра, являет собой особую территориальную разновидность общенациональной литературы¹², на базе которой уже в новое время и начали развиваться письменные литературы коми, удмуртов, собственно башкир, имея в виду литературные памятники данного конкретного народа.

Расширение ареала русской словесности приводило к формированию двоякой перспективы описания новых географических реалий. Во-первых, появление разнообразных опытов символизации и семиотизации новых участков русского государства происходило посредством конструирования образа, радикально остраивающего покоряемую территорию с позиции идеологии формирующегося имперского центра, которому эта территория в военном отношении была противопоставлена. Начиная, по-видимому, с «Казанской истории» (1564—1566) русский читатель мог познакомиться с примерами подобного *внешнего* воззрения на участки активно формирующейся государственности. Во-вторых, в процессе хозяйственно-административного освоения края, а также и в результате деятельности приезжих культуртрегеров, сначала вынужденно, а затем вполне естественно инкорпорировавшихся в его социальную и культурную жизнь, в региональных центрах зарождались собственно *местные* литературные сообщества, возникновение которых свидетельствовало об изменениях в структуре литературного процесса: он переставал зависеть исключительно от культурных усилий столицы, обретая самобытные центры развития. Эти локальные культурные силы смотрели на регион, в котором они появились, словно *изнутри*, предоставляя читателю в своих текстах опыт *самоописания* территории, т. е. такого ее освещения, которое велось с точки зрения укорененного в ней человека, а не «завоевателя» или «покровителя».

Предлагаемая читателю «История литературы Урала» ориентируется на описание внутрирегиональных литературных явлений. При этом принципиально важные в намеченном контексте внешние воззрения на край привлекаются для исследования

¹¹ См. главу 1 раздел 7 наст. изд.

¹² См.: Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 291—407 (раздел 5: «Литературные школы Сибири и Дона»); Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век.

символических воспроизведений Урала, относящихся ко времени намного более раннему, нежели момент, в который его своеобразие было осознано местным культурным сообществом. Однако подобные excursus имеют *служебный* характер, т. к. настоящее издание представляет собой опыт освещения истории литературной жизни региона, а не историю *репрезентаций* Урала в текстах культуры. Таким образом, при понимании неразрывной связи и постоянного взаимодействия обеих перспектив наблюдения коллективом авторов настоящего издания акцент делается на развитии собственно местных литературных сил.

2

В отечественной критике проблема краевых литератур была сформулирована давно — еще в первой половине XIX в. Характерно, что наиболее показательным примером для рассуждений на эту тему стала письменная традиция Урало-Сибирского региона. Первым заметным прецедентом рефлексии о русской литературе за пределами ее привычной географии стала книга немецкого критика Г. Кёнига «Литературные картины России» (1837)¹³. Говоря о перспективах словесности востока страны, автор уподобил ее англоязычным литературам Северной Америки, подразумевая при этом слабую дистанцированность последних от «материнской» литературы Англии: «образующаяся... сибирская литература не будет, разумеется, иметь собственного, отличного характера». «Она будет иметь такое же положение и такое же отношение к российской литературе, как англо-американская к английской»¹⁴. Принципиально важно при этом, что работа Г. Кёнига родилась в сотрудничестве с «любомудром» Н. А. Мельгуновым, который, судя по всему, подсказал своему собеседнику некоторые ключевые положения его книги, например, что «к многообразным элементам русской природы и русской жизни... принадлежат еще провинциальные элементы... русско-немецкий, сибирский и малороссийский»¹⁵, что язык сибиряков «во многих оборотах отстает от русского. У них есть свои поэты, произведения которых, обращаясь в рукописях, неизвестны в России»¹⁶, и т. д. Примечательно, что русская сибирская словесность фигури-

рует здесь в ряду этнических литератур: «локальное» как экзотика инонациональных окраин империи и «локальное» как продолжение русской культуры в новом для нее ареале критиком дифференцируется еще недостаточно четко. Очевидно, что эпизодические вкрапления диалектизмов в тексты областных писателей Сибири к появлению «местного» литературного языка ни в коем случае не привели¹⁷. Своеобразное положение Урало-Сибирского региона в составе империи как преимущественно русского, хотя и отдаленного от национально-государственного центра, делало подобную тенденцию потенциально возможной — однако лишь как некую попытку с исключительно маловероятным результатом. Осмысление самобытности региона пойдет в литературном творчестве по иному пути.

После Г. Кёнига и его высказываний об этно-областных литературных традициях пройдет достаточно много времени, прежде чем критика и филологическая наука вернутся к поставленной проблеме. Середина и вторая половина XIX в. стали временем развития самих этих традиций, которые вновь окажутся «замечены» историками, краеведами, культурологами уже в начале XX столетия. Русское краеведение этого времени связано с деятельностью трех выдающихся ученых: Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

Вслед за литературой, которая в начале XX в., по словам одного из авторов обобщающего исследования по истории отечественной литературы, заново приходит к изучению многонациональной России — «с ее еще неизведанными краями, с ее еще мало познанными социальными слоями населения»¹⁸, к культурным реалиям провинции обращаются и гуманитарные науки. Во многом это было связано с произошедшими во второй половине XIX — начале XX в. значительными изменениями в оценках России как государства, имеющего множество отдаленных от центра, разнообразных слагаемых своего громадного ареала. По мере начавшейся в 1860-е гг. интенсивной модернизации привычная для имперского контекста антитеза метрополии, с одной стороны, и колониального владения — с другой, меняется на представление об органическом единстве составных частей страны. Имперский «проект» неуклонно эволюционирует в сторону «проекта» национального. Иначе говоря, по оценке современного исследователя, «...после 1863 г.

¹³ Русский перевод книги: Кёниг Г. Очерки русской литературы. СПб., 1862.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ Там же. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 218. В специальной статье о книге Г. Кёнига М. К. Азадовский отметил также влияние на немецкого критика со стороны Н. А. Полевого, автора «сибирских» статей журнала «Московский телеграф» (Азадовский М. К. Сибирская литература. К истории постановки вопроса // Сибирский литературно-краеведческий сборник. Вып. 1. Иркутск, 1928. С. 13).

¹⁷ Примеры на эту тему см.: Черных П. Русский язык в Сибири: История вопроса. Особенности рус.-сиб. речи. Хрестоматия. Язык сиб. беллетристики. Иркутск, 1936 [на обл.: 1937]. С. 95—97.

¹⁸ Сливницкая О. В. Реалистическая проза 1910-х гг. // История русской литературы: В 4 т. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917) / Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1983. С. 605.

произошло изменение принципов национальной политики: стал осуществляться курс на административную интеграцию национальных окраин в состав империи и языково-культурная унификация в форме русификации»¹⁹. Перемены во внутривнутриполитическом курсе правительства по-своему отражает общественное сознание российской интеллигенции. В 1888 г. Вл. Соловьев в статье «Русская идея» выдвинул тезис о провиденциальной миссии, объединяющей всю нацию на пути ее духовного развития. Это религиозно-философское учение имело разнообразные варианты, предлагавшиеся многими авторами и до, и после Соловьева — от Н. Я. Данилевского с его концепцией культурно-исторических типов (1869—1871), в рамках которой Россия мыслилась как особая цивилизация, и близкого ему В. И. Ламанского с его геополитической доктриной²⁰ до находившихся на противоположном полюсе социальной полемики теоретиков федерализма (таких, как А. П. Щапов), также настаивавших на единстве национального «тела», но делавших акцент на борьбе «областей» с «центром». Несмотря на острую взаимную конфликтность, обе «ветви» этой полемики произрастали из сходного понимания того, что развитие страны диктуется не одной только волей монарха. Новое освещение получает и «провинциальный» вопрос, который сначала разрабатывался народниками 70—80-х гг., а затем вновь громко зазвучал в начале XX в. Так, из числа интересующих нас авторов новое видение провинции продемонстрировал в 1926 г. И. М. Гревс, последовавший в своем определении «органической» терминологии в духе Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера: «...В самом деле, край, область — это как бы отдельные индивидуальности, подобие живых ячеек <...> из объединения которых слагается “коллективная личность” страны-нации, и ее душа образуется из постепенного органического сочетания культурных свойств ее частей»²¹. Описывающееся ниже становление русской литературной регионалистики было откликом на сумму этих культурно-философских и идеологических трансформаций.

В предложенной Н. К. Пиксановым и близкими к нему учеными перспективе провинция обрела непривычное для нее качество — «культурного гнезда» (Н. К. Пиксанов), «историко-культурного ландшафта» (Н. П. Анциферов), превратившись если не в самостоятельного «игрока» культурной сцены,

конкурирующего с Петербургом и Москвой, то, во всяком случае, в такую силу, влияние которой игнорировать больше было невозможно. Свой законченный в пределах данной эпохи облик краеведческая концепция в области литературоведения обрела в книге Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда» (1928) и сопутствовавших ей работах ученого.

В 1910-е гг. Н. К. Пиксанов приступил к выработке новых воззрений на культуру областей²², причем предложенные им соображения оказались созвучны интенсивно формирующемуся в это время краеведению в историографии и традиции изучения культуры города. В первой половине XIX в. общепринятым было мнение, согласно которому столицей русской культуры только две — Санкт-Петербург и Москва. Причем как образы самих городов, так и их роли в культурном процессе осмысливались в виде противопоставления, в рамках которого имеющееся у одного из полюсов качество на другом полюсе менялось на противоположное. Эта оппозиция особенно активно обсуждалась в литературе и критике «натуральной школы». В 1844 г. В. Г. Белинский писал: «Для русского, который родился и жил безвыездно в Петербурге, Москва так же точно изумительна, как и для иностранца. <...> ...Петербург — антипод Москвы. Это резкое различие объясняется отношениями, в которых оба города находятся в России. Петербург — центр правительства, город по преимуществу административный, бюрократический и официальный. <...> ...в Москве почти не заметно ничего официального, и петербургский чиновник в Москве есть такое же странное и удивительное явление, как московский мыслитель в Петербурге»²³ и т. д. Далее в том же ключе критик рассуждает о «петербургской» и «московской» «литературах»²⁴.

Не менее важным для русской культуры было возникшее ранее и приобретшее популярность в эпоху 1830-х гг. рассмотрение России как аморфно-срединного пространства, растянутого между полюсами Запада и Востока, Европы и Азии. Первый «бином» был заброшен в русскую общественную мысль П. Я. Чаадаевым («...мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того,

¹⁹ Зеленева И. В. Указ. соч. С. 89.

²⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культур. и полит. отношения славян. мира к германороманскому. СПб., 1995 (Лит. наследие рус. мыслителей); Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка / Под ред. и с предисл. Г. М. Князева. Пг., 1916.

²¹ Гревс И. История в краеведении // Краеведение. Т. II. 1926. № 4. С. 491.

²² О значении изысканий Н. К. Пиксанова в этой области см.: Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибирско-Уральского исторического конгресса (Тобольск, 25—27 нояб. 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 3—8.

²³ Белинский В. Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. В. А. Недзвецкого. М., 1984. С. 47, 66, 67.

²⁴ Белинский В. Г. Петербургская литература // Там же. С. 212—223.

ни другого»²⁵), второй — с принципиально разной расстановкой ценностных акцентов — актуализируется в спорах западников и славянофилов. И если в 1830-е гг. отечественная словесность подходила к освоению экзотических национальных окраин страны (кавказских, башкирских, казахских, бессарабских, малороссийских и проч.), то в 1840-е гг. в литературу на равных правах с «извозчиками», «дворниками», «шарманщиками» и проч. приходят представители региональных общностей: не только лермонтовский «кавказец» (очерк 1841 г.), но и «уральский казак» (одноименный очерк В. И. Даля, 1841), «ярославец» (очерки В. Толбина, 1847 и И. Кокорева, 1849), «орловцы», «калужане» и др. («Хорь и Калиныч» из «Записок охотника» И. Тургенева, 1847); не счесть, сколько раз изучаются и с разных сторон осматриваются москвичи и петербуржцы. Однако само по себе значение географического фактора в истории российской словесности и общественно-философской мысли, зафиксированное Н. В. Гоголем («Мысли о географии», «О преподавании всеобщей истории», 1831—1834 и др.), П. Я. Чаадаевым, А. И. Герценом (от художественных произведений 1840-х гг. до работы «О развитии революционных идей в России», 1851—1852 и др.), еще не стало предметом целенаправленной культурно-философской рефлексии. Экзотический мир инациональных имперских окраин воспринимался почти исключительно как объект военного контроля, административного управления и источник поэтического вдохновения, но не идентифицировался как структурный компонент самого механизма культуры. «Бифуркация литературной производительности» — этой удачной формулой Н. К. Пиксанов охарактеризовал локализацию литературного процесса в двух взаимодействующих столичных центрах²⁶.

Однако при всем желании Н. К. Пиксанова «топографическую дифференциацию культуры провести дальше и глубже — в области»²⁷ литературный процесс XIX столетия (особенно до 60-х гг.) дает современному исследователю множество примеров скорее становления областных культурных очагов в рамках традиции Нового времени, «прорастания» тенденции, нежели яркую картину ее расцвета. В указанный период областные интеллигентские сообщества только формировались, делали свои первые шаги. Поэтому и господствующая модель взаимодействия столичных центров с долго и непросто складывавшимися провинциальными сообществами видится

Н. К. Пиксанову в образе эмиграции их наиболее ярких представителей в один из столичных городов. «Иногда такие выходцы из областей занимают в столичной культуре крупное, руководящее положение, как Ломоносов, Чернышевский»²⁸.

Иерархическое положение «культурного гнезда», характеризуемого как «тесное единение», «органическое слияние» местных «культурных явлений»²⁹, предстает под пером Н. К. Пиксанова скорее как подчинение столицам, предполагающее в основном исполнение «донорской» функции по отношению к Петербургу и Москве, насыщение столичной словесности этнографическим колоритом провинции. «Все эти областные культурные гнезда... объединены тем признаком, что, издавна накапливая местные культурные средства, они воспитывали исподволь своих питомцев, которые потом перемещаются в столицу»³⁰. Именно на этом основании исследователь предлагает «четко различать три группы русских писателей XIX в.: 1) усадебные, 2) столичные и 3) провинциальные»³¹. Н. К. Пиксанов отдает себе отчет в небесспорности предложенной классификации. Более того, он же отмечает возможность иного отношения столицы и провинции, как, например, в жизнедеятельности Казанского литературного гнезда начала XIX в., деятели которого, «минуя традиционное посредничество столицы», взаимодействовали с более мощным источником культуры — европейским, а потому и впоследствии они «не разбредались в разные стороны, но оставались в одном гнезде»³². Однако сама по себе логика исследователя весьма показательна: локальные элементы привносятся в «общерусскую» литературу, отождествляющуюся со столичной, и как непосредственный людской ресурс, и как понимаемые в широком смысле тематические компоненты, черпаемые этой «общерусской» литературой из местных очагов.

Отметим, что вне зависимости от принципиального значения этой наглядно описанной Н. К. Пиксановым закономерности, ее способности быстро и продуктивно концентрировать культурогенный потенциал буквально в одной точке (показательна

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Там же. С. 54. Ср.: С. 57.

³² Там же. С. 42. И в этой, и более ранней работе Н. К. Пиксанов выделяет также другие областные культурные гнезда: ярославское, харьковское, воронежское, нижегородское, саратовское, самарское и северно-русский культурный центр, который, однако, достаточно скоро, еще в первой половине XVIII в., уступил свои позиции Петербургу (см.: Пиксанов Н. К. Два века русской литературы: пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. М.; Пг., 1923. С. 177—189).

²⁵ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 41.

²⁶ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928. С. 17.

²⁷ Там же. С. 18.